

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

**ЭНДРЮ
МИЛЛЕР**

ПЕРЕХОД

Москва
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М60

Andrew Miller
THE CROSSING

Copyright © Andrew Miller 2015

Фото автора © Geraint Lewis / REX / Shutterstock /
Fotodom.ru

Перевод с английского *А. Грызуновой*

Художественное оформление *А. Старикова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
М. Мовшиной

Миллер, Эндрю.

М60 Переход / Эндрю Миллер ; [пер. с англ. А. Б. Грызуновой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-96007-1

Лауреат премии Costa и финалист Букера Эндрю Миллер написал интригующий роман об одиночестве и тайне человеческой души.

Мод загадочна и отстранена настолько, что всем хочется помочь ей и спасти ее потерянную душу. Тим, филолог и музыкант, тоже западает на таинственную девушку, будущего ученого, чья мечта — исследовать море и его обитателей. Тима и Мод объединяет влечение к воде: они женятся, покупают небольшую подержанную яхту, выходят в море, рожают ребенка.

Но для Мод все это — брак, ребенок, медленный быт — как будто прикрытие. Она не понимает условий мира вокруг нее, а мир не понимает ее желания жить вне привычных конвенций. Когда настанет время понять границы ее внутреннего мира, Мод придется решиться на переход. Но можно ли победить одиночество еще большим одиночеством?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Грызунова А., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96007-1

*Памяти мамы и отчима.
Те, кого любим, вечно странствуют вместе с нами.*

Один

Один из возможных путей — относиться серьезно
Лишь к сексу, однако пески шипят, приближаясь
К большому обвалу в то, что случилось.

Джон Эшбери¹

1

Весна ранняя, тысячелетие новое, девушка пятится по яхтенной палубе. Идет медленно, перегнувшись почти вдвое, ковш в левой руке, в правой кастрюля горячей смолы. Из ковша тонкой струйкой заливает смолу в швы, куда вчера весь день стамеской и колотушкой забивала паклю.

Вначале — просто работа.

Яхта стоит на деревянных кильблоках, палуба в двадцати футах над землей — над жесткой плоскостью битого кирпича и бетона, откуда весеннее тепло выманило на свет неожиданные кляксы бледных цветочков, запусивших корни в неглубокие жилы почвы. Вокруг верфь, где некогда строили серьезные суда — паромы, угольные баржи, траулеры, а в войну дере-

---

¹ Джон Лоренс Эшбери (р.1927) — американский поэт-постмодернист; цитируется его поэма «Автопортрет в выпуклом зеркале» (*Self-portrait in a Convex Mirror*, 1975; пер. Я. Пробштейна) из одноименного сборника, за который он в 1976 г. получил Пулитцеровскую премию. — *Здесь и далее примеч. пер. (Переводчик благодарит за поддержку Александра Богдановского и Сергея Максименко.)*

вянный минный тральщик, — но теперь обслуживают и латают прогулочные лодки: одни на кильблоках, другие у понтонов. Жужжат дрели, бубнят радиоприемники, изредка стучит молоток.

На палубе девушка одна. Перед ремонтом мачту сняли, а весь такелаж вместе со стойками и леерами убрали на хранение. Законопатив один шов, девушка тотчас принимается за другой. Смола в кастрюле остывает. Остывая — густеет. Скоро надо прерваться, разжечь газовую горелку на камбузе, опять разогреть смолу — но еще не пора.

Ниже, в тени стального корпуса, молодой человек в перчатках, напевая себе под нос, окунает болты в свинцовые белила. Он высок, голубоглаз, аристократичен. Белокурые волосы, издали вроде густые, уже редеют. Имя его — Хенли, но все зовут его Тимом — ему так приятнее. Переспит ли он с девушкой на палубе, пока неясно.

Взяв очередной болт, он прерывает свое занятие, окликает:

— Мод! Мод! О где же ты, Мод? — и, не получив ответа, с улыбкой возвращается к работе. С девушкой он знаком шапочно, но знает, что подтрунивание с ней не пройдет — она даже не понимает, что это значит. Это забавно, это пленительно, безобидный пробел, причуда нрава, одна из тех, что ему любезны, как и прямота ее прямодушного карего взгляда, и кудри, в которых только всплески и недозавитки, потому что стрижется она коротко, под мальчишку, и татуированные буквы на руке (на исподе левого предплечья) — удивляешься, увидев впервые; любопытно, какие еще сюрпризы она преподнесет. И намек на уилтширский акцент, и как она сосет порез, но не

поминает о нем ни словом, и как груди ее не больше персиков и твердые, наверное, как персики. Вчера она стянула с себя свитер, и Тим впервые увидел двухдюймовую полоску голого живота над поясом джинсов, и совершенно внезапно на Тима накатила серьезность.

Оба они состоят в университетском яхтенном клубе. С ними сюда приехали еще двое, но уже возвратились в Бристоль — может, думает Тим, чтоб не мешать, оставить их наедине. Мод, интересно, тоже так думает? Что мизансцена уже выстроена?

Он чует смолу. И душок сладкой речной гнили, и старые сваи, ил, земноводную растительность. Здесь долина затоплена, сломалась под натиском моря, дважды в день вдоль лесистых берегов туда-сюда катит соленая вода — в прилив лижет древесные корни, в отлив оголяет сверкающие ручьи тины глубиной по бедра. Местами, выше по реке, разбросало старые лодки — пусть сами отыскивают обратный путь в никуда: почернелые шпангоуты, почернелые надводные борта, некоторые до того древни и гнилы, будто носили по морям викингов, аргонатов, первых мужчин и женщин на Земле. Здесь водятся серебристые чайки, белые цапли, бакланы, имеется местный тюлень — ни с того ни с сего всплывает за бортом, и глаза у него, как у лабрадора. Моря не видно, но оно близко. Два изгиба речного берега, затем гавань, городок, замки на скалах. И открытое море.

Перед эллингом в боксерской стойке под фонтаном голубых искр стоит человек в красном комбинезоне и сварочных очках. У здания администрации прислонился к железному столбу человек в костюме, курит. Тим потягивается — ах-х, восхитительно, —

снова поворачивается к своим болтам, к яхте, и тут в воздухе что-то мелькает — взмах перистой тени, точно полоснули шипом по глазам. Вероятно, звук тоже был — не бывает беззвучных ударов, — но если и так, звук затерялся в шуме крови и следа не оставил.

Тим смотрит на ковш, упавший возле кустика белых цветов, — из ковша течет смола. Мод лежит чуть подальше навзничь — руки вверх, голова набок, глаза закрыты. Невероятно, до чего трудно смотреть на нее — на эту девушку, только что погибшую на битом кирпиче; одна туфля на ноге, другая слетела. Тим ужасно ее боится. Обхватывает голову руками в перчатках. Его сейчас стошнит. Он шепотом окликает Мод. И шепчет что-то еще, например, «твою мать, твою мать, твою мать»...

А потом она открывает глаза и садится. Смотрит — если смотрит — прямо вперед, на старый эллинг. Поднимается. Кажется, ей не трудно, не больно, хотя впечатление такое, будто она заново собирает себя из кирпича и цветочков, восстает из собственного праха. Она идет — голая нога, обутая нога, голая, обутая — и делает шагов двенадцать или пятнадцать, а потом вдруг падает — на сей раз ничком.

Сварщик наблюдает все это сквозь черноту очков. Крутит рычаг на газовом баллоне, задирает очки на лоб и срывается с места. Другой человек, тот, что курил перед администрацией, тоже бежит, но не так ловко, словно вообще-то бегать не любит или не хочет прибежать первым. Сварщик падает на колени у головы Мод. Приближает губы к самой земле. Что-то шепчет Мод, два пальца кладет ей на горло. Человек в костюме садится на корточки с другой стороны, точно араб в пустыне; брючины туго обтягивают ляжки.

Где-то принимается звонить колокол, пронзительный и неумолчный. Прибегают другие — рабочие в красных комбинезонах, женщина из администрации марины, какой-то человек в лыжных штанах — наверное, только что сошел с лодки на понтон.

— Не толпитесь! — говорит сварщик. Кто-то, запыхавшись, передает вперед зеленый ящик. Женщина из администрации раза три-четыре повторяет, что вызвала спасателей. Она говорит не «скорую», а «спасателей».

Потом они все замечают Тима — он стоит футак в пятнадцати, точно к воздуху прищиплен. Замечают, хмурятся, снова переводят взгляд на Мод.

2

Ни стоек, ни лееров. Наверное, от смолистых испарений закружилась голова. Издалека слышно, как приближается «скорая». Ей, помимо прочего, надо пересечь реку. Парамедики надевают на Мод шейный корсет, а затем переворачивают, точно драгоценную археологическую находку, ископаемое болотное тело, пепельно-хрупкую сверстницу Христа. Стабилизировав пострадавшую, один парамедик усадил Тима на кузовную ступеньку «скорой» и объяснил, что у Тима шок, но волноваться не надо — с учетом обстоятельств состояние у его подруги удовлетворительное. Ее вывезут из долины на вершину холма, а оттуда заберет вертолет. Вертолет доставит ее в плимутскую больницу. Где-то через полчаса она уже будет там.

Тим очухивается — отпускает дрожь, в башке варится что-то узнаваемое; оказывается, он сидит в ад-

министрации марины, кутаясь в шотландский плед. Цветы в горшках, картотечные шкафы, речные карты. Выцветший плакат с яхтой — яхта старая, гоночная, с избыточной парусностью, дюжина матросов болтают ногами на наветренном борту. Женщина, которая вызвала «скорую», вполголоса беседует с мужчиной в костюме. Приносит Тиму кружку чая. Чай обжигаете горяч и сладок непереносимо. Тим отпивает, затем встает и складывает плед. Не сразу отмахивается от подозрения, что и сам пострадал, что у него травма, надо найти ее и осмотреть. Благодарит мужчину и женщину (вежливый какой — ну еще бы, эти частные школы!), идет на стоянку к своей старой «лянце» и едет в Плимут.

Приезжает в глубоких сумерках. Пожалуй, за всю жизнь не бывал в заведениях ужаснее этой больницы. Отделения травматологии не найдешь. На некоторое время Тим застревает в дверях ярко освещенного коридора урогенитального отделения, но затем дежурный интересуется, все ли с Тимом хорошо, и показывает, куда идти — по тропинке меж кустов до стоянки, где у широких, подбитых резиной дверей сгрудились машины «скорой помощи».

Женщина за стеклом регистратуры осведомляется, кем он приходится Мод, и после паузы Тим отвечает, что другом. О диагнозе Мод, ее состоянии женщина сообщать не желает. Может, она и не в курсе. Тим сидит в приемной на потертой красной банкетке. Рядом пожилая пара. Видок у них — словно только что сбежали из-под бомбежки; так, во всяком случае, Тим воображает подобных людей. Проходит полчаса. Он опять идет в регистратуру. Женщину сменила другая женщина. Эта дружелюбнее.

— Минуту, — говорит она. Звонит на сестринский пост — это где-то далеко за распашными дверями. — Стэмп, — говорит она. — Днем доставили вертолетом. — Слушает, кивает. Говорит: — Да. Ясно... Да... Да... Друг... да... поняла... Спасибо. — Кладет трубку. Улыбается Тиму.

Мод лежит в больнице трое суток. Первую ночь — в реанимации, потом ее переводят в отделение, в старый больничный корпус. Из окна не видно моря, но виден свет моря. В палате еще десять женщин, одна за ширмой — голосок детский и такое ожирение, что она никому не показывается на глаза.

По звонку врача из Суиндона приезжают родители Мод. Оба — школьные учителя, занятые люди. Привозят пакет даже в шоколаде и журналы, откуда уже аккуратно вырезаны (и, наверное, запечатаны в пластик на ламинаторе в кухне) кое-какие картинки — изображения предметов, иллюстрации человеческих состояний: обычно школьные учителя такие вещи и преподают. Мать называет ее Моды, отец протирает очки. Посреди разговора Мод засыпает. Родители смотрят на нее — восковое лицо на подушке, бинтовая шапка на голове. Озираются — ищут какого-нибудь невозмутимого медика, пусть за все отвечает он.

Из больницы Мод выходит на костылях, с ногой в гипсе. Тим везет ее назад в Бристоль. Он три ночи провел в гостинице возле доков, где по жарким коридорам бродили китайские моряки в одних трусах — расхаживали размашисто из номера в номер, все двери нараспашку, на кроватях валяются мужики, курят и смотрят телик.

Костыли Тим убирает в багажник. Мод очень молчалива. Он спрашивает, не включить ли радио, и она отвечает, что как угодно. Он интересуется, больно ли ей. Спрашивает, помнит ли она что-нибудь. Извиняется, а когда она уточняет, за что, говорит, что не знает. Но все равно прости. Жалко, что так вышло.

У нее квартира на Вудленд-роуд, неподалеку от биофака, где она учится в магистратуре. Живет там по крайней мере полгода, но Тиму, когда он следом за ней поднимается по лестнице, квартира кажется нежилой. У Тима есть сестры, двойняшки, и некоторые представления о том, как живут девочки, — ароматические свечи над камином, вешалки с платьями на дверях, покрывала, пледы, фотографии в рамках-сердечках. У Мод — ничего подобного. В тесной прихожей выстроились две пары кроссовок и пара туристических ботинок. Мебель в гостиной — трех оттенков коричневого. На стенах — ни единой картины. Уличный свет сочится через большое окно на ковер — из тех ковров, что снесут любое надругательство. Все очень опрятно. Пахнет разве что нутром здания.

Мод садится в кресло, костыли кладет на пол. Тим заваривает ей чай, хотя молока в холодильнике нет. Она бледна. Обессилена. Он говорит, что ему, пожалуй, лучше переночевать тут на диване, если, конечно, ей больше некого позвать.

— Тебе не положено оставаться одной, — говорит он. — Особенно в первые сутки. В памятке так написано.

— Со мной все хорошо, — говорит она, а он:

— Ну, вообще-то, наверное, нет. Пока еще.

В кухонных шкафах шаром покати. Он бежит в магазин. В супермаркете размышляет, не пользуется ли ее слабостью — может, никакой он не услужливый друг, а, наоборот, манипулятор и коварная сволочь. Эта мысль корней не пускает. Тим набивает корзину продуктами, расплачивается, идет назад, и городской ветер бьет ему в лицо.

Он готовит сырное суфле. Готовит он хорошо, суфле легкое и аппетитное. Мод благодарит, съедает три вилки. Засыпает сидя в кресле. Чутьочку скучно, чутьочку смутно. Когда Мод просыпается, они час смотрят телевизор, потом она уходит в спальню. Тим моет посуду, лежит без сна на диване, укрывшись пальто. Хорошо бы найти ее тайный дневник, прочесть ее тайные мысли. Ее сексуальные фантазии, ее страх одиночества, ее планы. Дневник-то у нее есть? Его сестры ведут дневники, пишут тома, в основном в тетрадки с замочками, но Мод, несомненно, дневника не ведет, а если б и вела, не писала бы про сексуальные фантазии, про страх одиночества. Сквозь сетку на окне видна размазанная луна, а когда Тим закрывает глаза, перед глазами, точно сигаретный дым, плавают китайцы.

Он просыпается оттого, что Мод рвет. Она добралась до ванной; дверь открыта, горит свет — холодный свет. Тим видит Мод со спины — в ночной рубашке, склонилась над розовой раковиной. Вытошнить ей толком нечего. Он топчется в дверях на случай, если придется ее ловить, но она вцепилась в краны, держится.

До Королевской больницы пять минут езды — тем более среди ночи. Мод тут же кладут, увозят в кресле-каталке. Тим не успевает ни попрощаться, ни пожелать удачи.